

Ци Жун и Бай Цзинь повернулись к главе семьи, сидевшему на почетном месте, и хором произнесли: «Дедушка».

Маршал Ци достал красный конверт и передал его Бай Цзиню.

В это же время в Бюро гражданской регистрации поступило уведомление, и статус отношений Ци Жуна и Бай Цзиня был официально изменен на «супруги».

Банкет начался. Бай Цзинь следовал за Ци Жуном, чтобы преподнести вино старшим, а остальные гости расселись по местам, обмениваясь приветствиями.

Как отец Бай Цзиня, Бай Цижун должен был сидеть на главном столе, принимать поклоны и выдавать «плату за смену обращения». Однако сейчас он сидел за гостевым столом, причем не за самым почетным, и его недовольство не поддавалось описанию.

После сегодняшнего дня всем станет ясно, что Бай Цзинь не желает иметь ничего общего с семьей Бай. В конце концов, он вышел не из дома Бай, да и явился сюда лишь в качестве гостя.

Мало того, что он потерял лицо, так еще и его собственный отец уже несколько раз одарил его гневным взглядом через весь зал.

Хотя они и не горели желанием признавать Бай Цзиня, если бы свадьба прошла скромно, это выглядело бы так, будто семья Бай просто отказалась от него. Но семья Ци разыграла такую карту, вознеся статус Бай Цзиня на недостижимую высоту, что причиняло им невыносимую боль.

Бай Цижун, кипя от ярости, покосился на госпожу Бай с явным недовольством: эта женщина дважды встречалась с Бай Цзинем и не смогла вывести ровным счётом ничего полезного.

Шэнь Юньшу тоже было не по себе.

Нельзя сказать, что он так уж сильно любил Бай Цзиня. Но приходилось признать, что тот был красив, поэтому Шэнь Юньшу в свое время и протянул ему руку помощи, а затем удерживал мальчишку своей показной нежностью. Он слишком хорошо знал: тому, с кем весь мир обходится жестоко, не нужно многого — достаточно просто улыбнуться, чтобы завладеть его искренним сердцем.

В конце концов, Бай Цзинь был из семьи Бай, и, возможно, когда-нибудь от него была бы польза. К тому же, внешность у него была весьма приятная.

Если бы этот человек в будущем сошелся с кем-то другим, Шэнь Юньшу не почувствовал бы особого сожаления. Но этим человеком оказался Ци Жун. В тот момент Шэнь Юньшу показалось, что он наконец-то одержал верх над соперником: «Твой будущий муж в глубине

души все еще любит меня».

Он хотел преподнести Ци Жуну «щедрый подарок», но кто бы мог подумать...

Неизвестно, что произошло, но Ци Жун вдруг положил глаз на этого парня, и, судя по всему, они отлично ладили.

Особенно сейчас: Бай Цзинь стал еще красивее, чем четыре года назад, его характер перестал быть таким робким, и теперь он выглядел невероятно притягательно. Если не брать в расчет уровень ментальной силы, мало кто в Столичной системе мог сравниться с ним по яркости.

Рядом с Ци Жун он обходил старших, улыбаясь и ведя себя непринужденно, выпивая бокал за бокалом. Ци Жун, казалось, не мог на это смотреть и пытался заслонить его собой, время от времени перешептываясь с ним — они выглядели как по-настоящему влюбленная пара.

Шэнь Юньшу снедала жгучая ненависть.

В этот момент ему показалось, что Бай Цзинь мельком взглянул в его сторону. Сердце Шэнь Юньшу сжалось, он уловил в этом взгляде некий особый смысл.

Значит, Бай Цзинь все еще хранит его в сердце, просто не может отказать Ци Жуну. И правда, он — незаконнорожденный, которого не жалуют в семье Бай, разве хватит у него смелости пойти против Ци Жуна?

— Ха! — Шэнь Юньшу прищурился, насмешливо и довольно улыбаясь.

Ци Жун, ах, Ци Жун, что толку, что ты с ним так добр? Я, Шэнь Юньшу, все равно был первым. Бай Цзинь не может забыть меня, и... если я смог заставить его влюбиться в себя однажды, смогу и во второй раз.

За это он удостоился яростного взгляда Ци Жуна, но остался вполне доволен.

Кто бы мог подумать, что эти взгляды Бай Цзинь бросил случайно, просто заметив, что кто-то там злится до безумия, и упомянул об этом Ци Жуну. К несчастью, когда молодой генерал поднял глаза, он увидел, как Шэнь Юньшу улыбается с таким мерзким и самодовольным видом, словно украл лакомый кусочек. Ци Жуна охватила ревность, но, поскольку они были в разгаре церемонии, он мог лишь прошептать Бай Цзиню на ухо:

— Ты у меня еще дождешься!

От этого тона, полного сдерживаемого гнева... Бай Цзиню стало любопытно, и он снова взглянул на Шэнь Юньшу, пытаясь понять, в чем проблема.

Этот взгляд сделал господина Шэня еще счастливее, а лицо Ци Жуна окончательно помрачнело. Один — дурак, другой — ревнивец, у Бай Цзиня от них двоих просто голова шла кругом.

Ему хотелось прямо сейчас подойти к Шэнь Юньшу и как следует его отделать: зачем улыбаться так похабно, куда подевался образ утонченного джентльмена? Он был уверен, что оригиналу тела нужно срочно сменить очки, ведь у него явно была сильная близорукость в сочетании с астигматизмом, иначе как он мог так сильно ошибиться в человеке?

А что касается тебя... — Бай Цзинь перевел взгляд на Ци Жуна и мгновенно притих. Ладно, его бить не стоит.

Они закончили обход старших, обменялись парой слов в центре зала и, наконец, добрались до стола своих друзей, где их изрядно помучили. Когда дело дошло до «проводов в брачную комнату», эта компания не унималась и пыталась ворваться внутрь, за что была в полном составе отколошмачена Ци Жуном.

— Черт! — Чжэн Сянь опешил. — Вы когда-нибудь видели, чтобы в день свадьбы новобрачные били гостей?

— Сегодня увидел, — бесстрастно кивнул Дуань Чжуан.

Мо Шаоцин и Ань Гэ, единственный, кому удалось избежать побоев, лишились дара речи. Цинь Ии смотрела на них с обожанием, всем своим видом выражая: «Вау, генерал такой крутой».

В это время «крутой» генерал завел Бай Цзиня в комнату, толкнул на ярко-красную свадебную кровать, расслабил галстук и принялся снимать одежду. Он терпел столько дней, а тут еще наелся ревности, так что теперь он собирался довести этого парня до того, чтобы тот со слезами просил пощады.

Ци Жун выглядел «грозно», а Бай Цзинь, подперев голову рукой, с безмятежным видом наблюдал за ним.

Ни капли страха!

Черт!

Генерал Ци был глубоко убежден: если он не проучит этого наглеца, то не сможет оправиться от десятилетней травмы, когда его высмеивали в прошлой жизни.

Он небрежно бросил таймер на прикроватную тумбочку и набросился на него.

В прошлой жизни Ци Жун подозревал, что Бай Цзинь — робот: что бы он ни делал и как бы жестоко ни поступал, на следующее утро тот всегда выглядел свежим и бодрым. Это заставляло его сомневаться, были ли все эти стоны «не надо», «я больше не могу», «пощади меня» лишь игрой для возбуждения.

В конце концов, в постели этот человек всегда умел удивить, и многие новые позы были «разблокированы» именно благодаря ему.

Но это еще полбеды.

Самое обидное, что в первый раз он даже засекал время, а после — насмехался над его «несостоятельностью».

Помнится, однажды они промучились всю ночь, и когда он, смертельно устав, хотел забыться сном, Бай Цзинь начал одеваться, заявив, что у него свидание с каким-то красавчиком. Ци Жун в ярости воскликнул: «Ты еще можешь?!» после такой-то ночи.

Бай Цзинь небрежно завязал галстук, бросил на него взгляд и с усмешкой ответил:

— Мужчина никогда не должен говорить, что он «не может»!

И радостно ушел.

Ци Жун остался лежать, чувствуя себя так, словно это он был «выжат досуха», но, постеснявшись продолжить сон, встал и отправился по делам. Разумеется, его лицо было чернее тучи, что контрастировало с довольным видом Бай Цзиня, из-за чего их сфотографировали и выложили на главную страницу межзвездной сети.

«Бог Бай и Бог Ци снова столкнулись, судя по лицам, Ци не смог одержать верх!»

Да, он никогда не одерживал верх.

У этих людей была слишком бурная фантазия: по одной этой фотографии они настроили кучу версий о том, что он снова поссорился с Бай Цзином, в очередной раз доказывая, что их брак несчастлив.

И это еще ладно. Даже Мо Шаоцин считал, что у него «сексуальная холодность» и что ему приходится нелегко без интимной жизни столько лет.

Все считали, что с таким телом, как у Бай Цзиня, пара раз — и он упадет в обморок. А каждый раз, когда он возвращался домой, этот Бай на следующее утро выглядел бодрячком, как будто доказывая, что Ци Жун «не тянет».

Добавьте к этому инцидент с таймером — казалось, Ци Жун никогда в жизни не сможет отмыться от этого позора.

Теперь, начав все сначала, он лично решил засечь время.

Однако он переоценил себя. Психологически проблем не было, но физиологически это тело все еще было «девственным». Столько дней ожидания — это было слишком сильным стимулом. Его спасла лишь железная выдержка, благодаря которой он не опозорился окончательно.

Однако...

— Тридцать минут? А я думал, ты продержишься три часа, раз уж поставил таймер, — лениво протянул Бай Цзинь.

Кровь ударила Ци Жуну в голову. Это было просто невыносимо. Он тут же притянул Бай Цзиня к себе, решив, что нужно заставить его замолчать. Если он открывает рот — ничего хорошего не жди, значит, нужно целовать его до потери дыхания и загнать так, чтобы он не смог подняться.

У Бай Цзиня осталась только одна мысль: «Конец, кажется, я его слишком сильно спровоцировал».

О том, как он молил о пощаде в ту ночь, умолчим, но на следующее утро все тело болело, и вставать не хотелось. Даже если он был кактусом, он не так давно вселился в это тело, и способность к восстановлению была слабой. Да и само тело было слишком хилым, никакой физической подготовки, просто бесполезное.

Он лежал, глядя в потолок, а Ци Жун выглядел свежим и довольным, чувствуя, что восстановил свое достоинство и стер тени прошлой жизни.

Это выражение лица нельзя было описать одним словом «довольный».

Взгляд Бай Цзиня был почти пустым, он был таким тихим и послушным, каким редко бывал. Это было так необычно, что сердце Ци Жуна растаяло.

— Что хочешь съесть? Я принесу.

— Питательный раствор, — повернул голову Бай Цзинь.

Ци Жун спустился вниз и через некоторое время принес миску рисовой каши.

— Тетушка Цзоу приготовила с самого утра, выпьешь немного?

Каша была обычной, но в ней было много добавок, на вкус — вполне неплохо. В другое время Бай Цзинь с удовольствием бы поел, но сейчас он хотел только питательный раствор. Высокая концентрация, много пользы, и пусть вкус не очень — для кактуса это было лучшее лакомство.

Но сейчас он был слишком ленив, чтобы не только встать, но даже говорить, поэтому покорно открывал рот.

Заметив, что энтузиазма у него нет, а в глазах сквозит обида, Ци Жун был вынужден оправдываться:

— Эта каша тоже хороша, правда. Разве можно в первое утро после свадьбы кормить супруга питательным раствором?

Бай Цзиню было не до споров, он быстро съел кашу и зарылся в одеяло.

— Еще.

Ци Жун вытер ему рот салфеткой и снова ушел вниз. Вернувшись, он принес целую кастрюлю, переложил кашу в миску и начал кормить его по ложечке.

Иногда он сам съедал ложку.

Когда кастрюля опустела, у Бай Цзиня появилось немного сил, но вставать он не собирался. Он махнул рукой.

В его жестах читалось: «Я закончил, можешь удалиться!»

Если бы не то, что это была их первая ночь и они переусердствовали, генерал Ци хотел бы снова заставить его помучиться, чтобы тот понял, что нельзя использовать его и выбрасывать.

В прошлой жизни было так же, только тогда этот парень был полон сил. Поэтому после всего он всегда выглядел «бессердечным». Словно Ци Жун был лишь игрушкой, которую использовали и бросили без капли сожаления.

В прошлой жизни, не понимая своих чувств, Ци Жун из-за этого приходил в бешенство, а сейчас — тем более.

Он убрал посуду, разделся и снова залез в кровать.

— Посплю с тобой еще немного.

Не терпящим возражений тоном он притянул его к себе.

Бай Цзинь: «...»

Ладно он, но что за привычка у генерала — валяться в постели?

Впрочем, прижиматься к его груди было удобно и спокойно, так что Бай Цзинь перестал сопротивляться и, прищурившись, приготовился поспать еще.

Он выглядел таким обессиленным, что разница с прошлой жизнью была очевидна. Ци Жун невольно забеспокоился, потрогал лоб Бай Цзиня и, убедившись, что жара нет, немного успокоился.

Подумав, он все же решил спросить:

— Не поранился?

Его рука потянулась было проверить, но Бай Цзинь перехватил ее.

— Спи.

Слишком много думает. Он, в конце концов, дух кактуса, разве может быть таким хрупким? Не говоря уже о травмах, даже если бы ему нужно было срочно встать и куда-то идти, это не составило бы труда.

Просто, хоть Бай Цзинь и умел терпеть трудности, он был любителем комфорта, и раз дел не было, почему бы не поваляться?

Так они проспали еще половину утра.

Золотой дракон о четырех когтях и белая бабочка тоже выглядели лениво: после того как их выпустили, один свернулся кольцами, а вторая примостилась на его голове.

Бай Цзинь открыл глаза и увидел эту картину.

Ну надо же...

Квантовый зверь — это что угодно, но почему бабочка? Как ни посмотри, выглядит странно и совсем не сочетается. Маленькая бабочка, казалось, почувствовала его недовольство и передала легкую грусть.

Бай Цзинь: «...»

Глядя на это, Ци Жун почувствовал безграничное удовлетворение.

Этот человек наконец-то стал его. По всем правилам, с ментальной связью, он отдал ему все, чего не дал в прошлой жизни.

В прошлой жизни у них не было ментальной связи, только брак по контракту. А из-за того, что в сердце всегда таилась настороженность — вдруг этот человек снова ударит его в спину? — квантовых зверей выпускали редко. Даже Лин Фэн почти не покидал его.

Поэтому то, что он видел сейчас, было чем-то небывалым.

Их квантовые звери любили друг друга, и Ци Жун не сомневался: если бы у Бай Цзиня была не бабочка, а другое животное, его дракон давно бы обвился вокруг него кольцами.

Бай Цзинь все еще был слишком ленив, чтобы встать, поэтому просто прислонился к изголовью и открыл голографический экран, чтобы почитать новости.

Самой горячей темой, конечно, была их вчерашняя свадьба — обсуждение уже стало рекордным по количеству комментариев. Там было все: одни завидовали, другие восхищались тем, что генерал Ци наконец-то научился романтике, третьи отмечали своих парней с требованием устроить такую же свадьбу. Конечно, были и те, кто ныл, как им теперь жить.

В конце концов, не говоря уже о другом, парных мехов, как у них, во всей Империи было по пальцам пересчитать.

А кортеж из антигравитационных машин — каждая из них была не просто лимитированной версией, но и стоила баснословных денег.

«Стоит радоваться, что они не использовали мехов для свадебного кортежа, иначе вы бы вообще ничего не смогли повторить», — злорадствовали некоторые.

Тут же последовал ответ: «Не использовали мехов, потому что Бай Цзинь, наверное, не умеет ими управлять? Ментальная сила уровня D, ха-ха, смешно. Он бы повел процессию на мехе уровня D?»

Этот комментарий набрал кучу лайков. Бай Цзинь без удивления читал, как его поливают

грязью.

В конце концов, поводов для критики было предостаточно.

Начиная от ментальной силы и заканчивая квантовым зверем, статусом незаконнорожденного и прошлыми достижениями.

Все это по отдельности выглядело довольно жалко, не говоря уже о сравнении с Ци Жуном — отличником во всем.

Они лежали на одной кровати, и все, что видел Бай Цзинь, видел и Ци Жун. Его охватил гнев: он никак не ожидал, что даже после всего сделанного люди все еще будут так пренебрежительно относиться к Бай Цзиню. Но даже если бы он был не просто генералом, а маршалом, он не смог бы закрыть рты всем сплетникам.

— Не слушай их, — Ци Жун повернулся к Бай Цзиню. — Ты замечательный.

— Это само собой разумеется, — с невозмутимым видом ответил Бай Цзинь, ничуть не расстроившись.

Увидев это, Ци Жун успокоился.

Бай Цзинь полистал ленту еще немного, обнаружил, что у людей нет ни капли фантазии, закрыл экран и снова лег, собираясь доспать.

— Кстати, включи солнечный свет. И еще... сделай мне новую карту личности, такую, которую невозможно отследить.

Сказав это, он снова закрыл глаза. Ци Жун включил свет и, глядя на безмятежно спящего юношу, медленно улыбнулся.

Он заметил, что после свадьбы Бай Цзинь стал с ним менее церемонным и больше воспринимал как «своего».

Раньше, если бы он заставил его что-то сделать, Бай Цзинь, может, и не возражал бы, но попросить карту личности — такое было невозможно. Даже если бы попросил, он бы продумал все причины и последствия, а не говорил бы так непринужденно, как сейчас.

Это открытие очень порадовало Ци Жуна.

Бай Цзинь проспал до самого полудня. Когда он встал поесть, его настроение было отличным, что вызвало у Ци Жуна смешанные чувства.

Неизвестно почему, но при виде его довольного лица Ци Жун всегда вспоминал дни из прошлой жизни, когда его «использовали и выбрасывали».

К счастью, вчера он проявил такую прыть, что Бай Цзинь не мог встать с кровати все утро, что немного удовлетворило генерала. Но стоило им спуститься вниз, как он получил нагоняй от маршала Ци.

— Молодой человек, никакой выдержки, — проворчал маршал.

Ци Жун: «...»

Дедушка! Если он не будет «сильным», его, скорее всего, возненавидит любимый человек.

Бай Цзинь, казалось, особенно любил наблюдать, как его отчитывают, и довольно прищурился.

— Раз уж вы провели церемонию по таким правилам, то сегодня и завтра — дни визитов к родителям. Сегодня по идее должен быть дом Ци, но раз вы живете вместе, это не имеет значения, — сказал маршал. — Но что касается семьи Бай...

— Дедушка, об этом не беспокойся, у меня свои планы, — ответил Бай Цзинь.

Маршал кивнул:

— Главное, что у тебя есть свое мнение.

В семье Ци всегда ценили демократию: старшие не считали, что они всегда правы, и не навязывали детям свои мысли. Поэтому они не требовали от Бай Цзиня делать вид, что все хорошо, и не запрещали общаться с семьей Бай — все зависело только от желания самого ребенка.

Будучи старшим, он лишь напоминал им, чтобы они не забывали о делах, увлекшись друг другом.

Видя, что Бай Цзинь все понимает, маршал больше ничего не сказал и после обеда ушел. В военном ведомстве было полно дел, требующих его присутствия. К тому же, в хорошем настроении он не прочь был пообщаться со «старыми друзьями».

Внук вчера женился, и сегодня многие спрашивали его об этом.

Ци Жун и Бай Цзинь остались в редком покое — в конце концов, кто из невоспитанных людей придет беспокоить молодоженов в такой момент?

В комнате был включен режим солнечного света, два квантовых зверя играли друг с другом, и, глядя на любимого человека рядом, Ци Жун почувствовал, как время замерло в спокойствии.

В отличие от их тишины, в других местах было беспокойно.

Вчерашняя свадьба... как бы пользователи сети ни принижали Бай Цзиня, это было лишь мнение обывателей. В глазах аристократических семей Столичной системы Бай Цзиня больше нельзя было игнорировать.

В конце концов, маршал Ци и Ци Жун во всем потакали новой супруге и очень ее ценили.

Они не думали, что формат свадьбы был идеей Ци Жуна, они считали, что это требование Бай Цзиня.

Если для других это было лишь шоком, то для Бай Цижуна это стало потерей лица. Мало того, что на свадьбе собственного сына он чувствовал себя простым наблюдателем, так еще и многие под видом поздравлений отпускали язвительные шуточки.

— Старина Бай, ну ты даешь! Сыновья один другого талантливее.

— Точно, в семье Ци всегда был единственный наследник, а теперь, глядишь, и первенец будет носить фамилию Бай. Круто, круто.

Эти люди были хитры: они не говорили прямо «почему ты не сидел на почетном месте», а только расхваливали его, доводя до состояния, когда некуда было спрятаться от стыда.

Но что мог сделать Бай Цижун? Только криво усмехаться и сжимать зубы.

Вернувшись домой после свадьбы, он тут же устроил скандал госпоже Бай. А если бы она была покладистой, то не натворила бы дел в прошлом.

<http://bllate.org/book/21268/2155106>